
ЛОГИКА СЕГОДНЯ

А. И. Мигунов

РИТОРИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ОТНОШЕНИЕ ЛОГИЧЕСКОГО СЛЕДОВАНИЯ*

Аннотация: В статье речь идет о задаче, которую А. Тарский справедливо признал а priori невыполнимой: об экспликации интуитивных восприятий, связанных с понятием следования. Всякое определение отношения следования несет черты произвола, и связано это прежде всего с выбором языка, соответствующего набора логических констант и их интерпретацией. Эти логические экспликации имели дело не с реальным дискурсом, а с его абстрактными моделями. Интуиции, которые стоят за выражением «согласие с одним утверждением влечет согласие с другим утверждением с необходимостью» не исчерпываются представленными в логике формами валидных аргументов. В статье затрагиваются некоторые философские аспекты логического следования с точки зрения логической прагматики, важные для понимания отношения следования в естественном языке. Вопрос, который представляет для меня особый интерес, состоит в следующем: содержится ли в риторических фигурах отношение следования.

Ключевые слова: Риторика, прагматика, отношение следования.

Abstract: In the paper the problem which A. Tarski fairly recognized a priori as infeasible is discussed: about an explication of the intuitive perceptions connected with concept of consequence. Any definition of the relation of consequence bears traits of arbitrariness, and it is connected, first of all with a choice of the language, a corresponding set of logic constants and interpretation of theirs. These logic explications, dealt not with a real discourse, but with its abstract models.

Intuitions which stand up for expression «The consent with one statement is necessary attracts the consent with other statement» are not exhausted by the forms presented in the set of the valid arguments of logic. In the paper some philosophical aspects of logic consequence from the point of view of logical pragmatics, important for understanding of the relation of consequence in a natural language are mentioned. The question which is of special interest for me consists in the following: whether figures of speech contain relation of consequence.

Keywords: Rhetoric, pragmatics, consequence.

Риторика, традиционно относимая к области искусства красноречия и изощренных приемов убеждения, далеко не всегда согласуемых с логическим разумом, в обыденном сознании предстает скорее как «изобретательница надувательств» (Гераклит), нежели как средство ответственного присутствия разума в слове. Более того, наметившийся во второй половине прошлого века нарастающий интерес к риторике иногда толкуется как свидетельство интеллектуального кризиса XX в., поскольку отсутствует определенность, однозначность в решении принципиальных вопросов, и они стано-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ, Грант №11-03-00601а.

© А. И. Мигунов, 2012

вятся заурядным предметом споров, жертвой свободы мнений и свободы слова. Рушится преграда между тайным и профанным, разворачивается процесс профанирования. На смену жрецу приходит ритор. Но этот кризис можно толковать как свидетельство не упадка, а возрождения. Дискредитация объединяющей идеи, плюрализм, рост индивидуализма, является мощным фактором развития разума, поскольку обостряет и заставляет осознать необходимость взаимопонимания, а оно формирует ответственное отношение к языку, средству понимания мира — понимания мира, условием которого является ответственное отношение к слову и понимание другого. Если язык не позволяет нам понять друг друга, как же можно рассчитывать, что он позволит нам понять мир, в котором мы живем?

В этой статье речь пойдет о связи логических и прагматических характеристик языка.

1

А. Тарский заметил в работе «О понятии логического следования», что задачу экспликации интуитивных восприятий, связанных с понятием следования, надо признать а priori невыполнимой, а всякое точное определение рассматриваемого понятия будет носить в большей или меньшей степени черты произвола¹. Некоторые причины этого понятны. Эксплицирование интуиции требует соответствующих языковых средств и существенно зависит от их выбора. Установка на построение формального языка как единственного пути корректной экспликации интуиции логического следования неизбежно задает и границы, в которых оказывается исследователь. Построенный для этой цели формальный язык и есть граница. Всякая попытка дать строгое определение отношения логического следования связана со специфическими свойствами формального языка — языка, который выбирается в качестве средства экспликации интуиции логического следования. Этот язык затем задает пределы интерпретации отношения имплицирования, задает предметные границы исследования. Различные виды имплицирования (например, интуиционистское, строгое, релевантное и др.) предполагают соответствующий формальный язык, набор логических констант, их определенную семантику, и логические синтаксические нормы, обеспечивающие отношение следования.

Логик, исследующий язык, в котором строится рассуждение или доказательство, стремится дать такое определение отношения следования, которое удовлетворяло бы нашу интуицию и не встречало бы контрпримера. Однако главная задача состоит не в том, чтобы максимально точно эксплицировать интуицию, поскольку не она является предметом постижения. Задача состоит в том, чтобы максимально точно зафиксировать отношение логического следования, а это невозможно без опоры на интуицию исследователя. Это то же самое, что пытаться что-то увидеть в абсолютной темноте. В последнем случае даже не ясно, что именно мы хотим разглядеть: само желание разглядеть не может возникнуть, поскольку не ясно, что такое «разглядеть». Незрячий никогда не узнает, что он незрячий, если однажды не встретит зрячего. Наша инту-

¹ См.: *Tarski A. O pojeciu wynikania logicznego, Przegląd filozoficzny*, т. XXXIX (1936), з. I. Warszawa, 1936. S. 58–68 (*Тарский А. О понятии логического следования* / пер. Б. Т. Домбровского) // URL: <http://www.philosophy.ru/library/tarski/sledov.html> (дата обращения: 10.12.2011).

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

иция по мере ее экспликации и последовательного прояснения благодаря научным изысканиям обогащается новым знанием и, изолируясь таким образом, требует все более точных и корректных интерпретаций.

Важными характеристиками отношения следования являются такие его свойства, как необходимость, универсальность и априорность. У Тарского отношение логического следования как необходимое, так и формальное. И формальность у него предполагает независимость от эмпирического знания. Формальное следование характеризуется прежде всего независимостью от интерпретации нелогических элементов аргумента (формула, представляющая валидную форму аргумента, истинна при всех возможных интерпретациях входящих в ее состав переменных, или во всех возможных мирах). Установление валидности аргументативной формы эмпирически независимо, т. е. априорно в этом узком смысле, и фиксируется структурой аргумента. В то же время форма валидного аргумента универсальна, поскольку не зависит от специфики предмета рассматриваемого универсума рассуждений.

А. Тарский определяет отношение следования через истинностную характеристику высказываний. Некая форма рассуждения является формально правильной, т. е. логически валидной, если гарантирует несовместимость истинности посылок с ложностью заключения. Таковы правильные модусы категорического силлогизма, правила следования в логике высказываний и пр. Определенные правила следования являются критериями правильности построенного рассуждения. А критериями правильности этих правил являются семантика логических констант, т. е. определенный выбор определенных логических констант, с одной стороны, либо перебор всех возможных случаев и отсутствие опровергающего примера — с другой. Понятно, что последний способ не принес бы нам уверенности в валидности аргумента, таким образом обосновываемого, хотя в аргументативной практике такие формы, т. е. дающие практически приемлемые аргументативные формы и, следовательно, заключения, используются. То есть у *modus ponens*, в отличие от некоторых аргументов, используемых в аргументативном дискурсе, иные основания валидности. Эти основания мы фиксируем прежде всего в корректной семантике логических констант. Но семантика логических констант опирается в первую очередь на нашу интуицию. Но если наша интуиция — продукт опыта, включая опыт рассуждений, можно ли называть валидные формы аргументов априорными?

Ставшее уже каноническим толкование отношения логического следования, данное А. Тарским, подверглось существенной критике американским логиком Дж. Этчеменди². Суть его критики состоит в том, что, по его мнению, анализ А. Тарского не раскрывает природы отношения следования, он лишь фиксирует его признаки, которые позволяют обнаружить наличие следования, но не отвечают на вопрос, что такое отношение следования, какова его природа. По мнению Дж. Этчеменди, предпринятая А. Тарским попытка дать семантический анализ отношения следования оказалась сомнительной, и прежде всего потому, что анализ следования концептуально неадекватен. Как он показывает, можно привести целый ряд контрпримеров, ставящих под

² См.: *Etchemendy J.* 1) The concept of logical consequence. Harvard, 1990; 2) Reflections on Consequence // *New Essays on Tarski and Philosophy* / ed. by D. Patterson. New York, 2008. P. 263–299.

сомнение теорию Тарского, даже в рамках теоретико-модельного подхода, который Тарский принимает.

Другим слабым местом в концепции Тарского является основание различения терминов на логические и нелогические. Тарский в статье «О понятии логического следования» пишет: «В основе всей нашей конструкции лежит разделение выражений языка на логические и внелогические. Это разделение, определено, не является совершенно произвольным: если бы мы к логическим терминам не относили, например, знаки импликации или квантификаторы, приведенное определение следования могло бы привести к последствиям, явно противоречащим обыденной интуиции. Однако, с другой стороны, я не знаю никаких объективных точек зрения, которые позволили бы провести точную границу между обеими категориями терминов. Наоборот, у меня складывается впечатление, что — не нарушая явно обыденной интуиции — к логическим терминам можно причислить и такие термины, которые логики к этой категории обычно не причисляют. Этот случай был бы крайним, когда мы все выражения языка стали бы трактовать как логические: понятие *формального* следования тотчас перекрылось бы понятием *материального* следования — предложение X следовало бы из предложений класса K тогда и только тогда, когда или предложение X было бы истинным, или хотя бы одно предложение класса K было ложным».

Естественно, возникает вопрос, что такое «подлинные» логические константы и какие именно особенности делают их таковыми, что, собственно, гарантирует сохранение истинности в аргументах, которые на них базируются. Уверенность в валидности, скажем, такой формы аргумента, как *modus ponens*, не освобождает нас от поиска оснований этой уверенности и соотнесения их с нашей интуицией. Это и порождает различные интерпретации импликации, стремящиеся приблизить нас к интуитивному схватыванию имплицирования. Причем за этой интуицией стоит определенная картина мира, определенные интерпретации, определенные модели, допускаемые нашей интуицией. Понятно, что можно построить такую модель, представить себе такой мир, в котором будут выполняться очевидно невалидные для нашего мира формы рассуждения, т. е. формы рассуждения, не имеющие универсального значения.

Если мы включаем в перечень логических констант нашего языка такие выражения, как «было так, что...», «будет так, что...», «верю», «знаю», «запрещено», «разрешено», «выше», «ниже», «умнее» и т. д., и т. п., становится ли логика в этом случае эмпирической дисциплиной? Является ли в таком случае выражение «Каждый разумный знает, что, если A умнее B , а B умнее C , то A умнее C » логически истинным высказыванием? Сталкиваясь с интуитивно неправильными формами аргументов, построенных из высказываний подобного рода, мы можем сказать, что причина в неправильном выборе логических констант, или в их неправильном толковании. Это при том, что строгой границы между логическими и нелогическими константами провести нельзя, как признает и сам Тарский.

Есть ли какая-либо *концептуальная* гарантия, что аргументы, объявленные валидными в данном языке, на основании семантики логических констант этого языка, фактически будут таковыми? Другими словами, какие у меня имеются концептуальные основания не ставить под сомнение валидность подобных аргументов, если из истинных посылок я получаю заключение, которое интуитивно или по каким-либо иным

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

важным для меня основаниям, кажется мне неприемлемым. В этой ситуации либо аргумент правильный и заключение истинно, либо заключение сомнительно, и тогда аргумент не правильный. Где надежный критерий выбора одной из этих альтернатив? Иначе говоря, логическая правильность не может служить надежной гарантией истинности, если сама правильность зависит от той же истинности. Несовместимость истинности посылок и ложности заключения не является для нашей интуиции достаточным условием приемлемости формы аргумента, обеспечивающей это условие. Подобная несовместимость может быть следствием ложности посылки, а также материальной истинности заключения («для всякого x , если x кошка, x — млекопитающее животное»), или его тавтологичности («всякая кошка является кошкой»). В этом случае необходимо истинное суждение следует из любого другого, а из лжи следует любое суждение. Здесь нет отношения имплицирования, порождения, которое присутствует в нашем интуитивном представлении следования. Получается, что именно то, что позволяет нам фактически выводить следствия из имеющегося у нас знания, просто выпало из рассмотрения.

Дж. Этчеменди утверждает, что концепция Тарского приобрела канонический характер, и в силу этого она ограничивает видение логиков, приводит к чрезвычайно узкому представлению логики. Большая часть интересной работы в логике сделана вне границ этого представления. Признание его неудовлетворительности открыло бы более широкий простор для дальнейших логико-философских исследований важнейшей категории логики.

Теоретико-модельная семантика, искусственные языки, используемые для интерпретации следования, не столько выясняют, что такое отношение следования, сколько задают определенный способ его констатации. Но даже в том случае, если у нас есть средства констатации отношения следования, они, эти средства, не говорят нам по существу, что такое следование. Ибн Сина как-то заметил, что измерение не есть пространство. Мы можем научиться сколь угодно точно измерять пространство, но это не поможет нам ответить на вопрос, что такое пространство. Примерно то же самое происходит и в логической литературе, относящейся к исследованию отношения следования. Выдающиеся результаты, полученные в исследовании логических систем, построении логических исчислений, не слишком сильно продвинули логиков к пониманию природы следования.

Тарский пишет, что он стремится «сконструировать формально правильное и предметно верное [rzeczowo trafna] определение понятия следования для обширной категории формализованных языков», отталкиваясь от определенных рассуждений интуитивного свойства. «Однако у меня возникает чувство, что лишь методы, развиваемые в последние годы при обосновании научной семантики и понятия, которые при помощи этих методов удалось уточнить, позволяют выразить эту интуицию в точной форме и не подлежат упрекам» (О понятии логического следования). Но когда речь идет об интуициях столь фундаментальных категорий, как отношение следования, нельзя зарекаться от возможных упреков. Результаты, полученные самим Тарским, способствовали формированию интуиции, в которой обнаружилось расхождение с разработанной им концепцией следования. Можно сказать, что он сам заложил основания для последующих упреков в адрес его теории.

Своеобразной иллюстрацией этого процесса постоянной корреляции интуитивного представления о следовании и развития логических средств формализации, стремящихся максимально адекватно отобразить эту интуицию в соответствующей логической системе, может послужить работа Н. Д. Белнапа и А. Р. Андерсона, посвященная энтимеме³. Они строят классификацию энтимем, основанием которой является специфика логических констант, прежде всего особенность толкования импликации и соответствующих логических систем. Энтимема для них это элементарная сокращенная форма рассуждения, в которой выражено отношение следования. Ясно, что энтимема оказывается системно зависимой: в разных логических системах полная логическая форма, которая стоит за сокращенной энтимемой, может быть различной и задавать специфическую логическую определенность энтимеме.

Если в полном и правильном умозаключении «Если M и m , то C », где M и m — посылки соответствующего умозаключения, наличие отношения логического следования несомненно и устанавливается на основе строгих логических норм, то в случае сокращенного умозаключения «Если M , то C », в котором опущена посылка m , признание отношения логического следования является всегда результатом допущения энтимематичности этого умозаключения, явно или неявно предполагающего соблюдение соответствующего условия m . Очевидно, что признать правильной эту форму рассуждения без допущения диалога, предполагающего наличие слушателя и его согласие, т. е., не выходя за пределы чистой, классической логики, трудно. Однако Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон полагают, что можно построить формально-логический анализ и соответствующую классификацию энтимем, не выходя за пределы логики. В этом случае согласие слушателя с посылками, как конституирующее условие энтимемы, заменяется его логико-семантическими интерпретациями, упорядоченными по степени «корректности» вывода. Они строят классификацию энтимем (т. е. сокращенных форм следования) на основе классификации импликаций. В классической логике высказываний наше рассуждение можно представить в виде формулы $(M \& m) \supset C$. То есть аргумент можно представить в виде импликации, антецедентом которой будет конъюнкция посылок, а консеквентом — заключение. Если заведомо известно, что m — истинное высказывание, то легко продемонстрировать, что $M \supset C$ оказывается истинным высказыванием.

$$\frac{m \quad (M \& m) \supset C}{M \supset C}$$

Понятно, что достаточными условиями истинности этой импликации являются либо ложность M , либо истинность C . Но в этом импликативном выражении фиксируется отношение логического следования, присутствующее в соответствующем сокращенном умозаключении. Но, как известно, классическое толкование логического следования требует лишь того, чтобы не было одной ситуации — истинной посылки

³ Anderson A. R., Belnap N. D., Jr. Entymemes // The Journal of Philosophy. 1961. Vol. 58, N 23. P. 713–723. См. также: Мигунов А. И. Энтимема в аргументативном дискурсе // Логико-философские штудии. Вып. 4. СПб., 2006. С. 149–165.

и ложного заключения, оставляя неопределенными остальные ситуации. В нашем случае мы имеем дело как раз с такой ситуацией и, казалось бы, можем переходить от утверждения M к утверждению C , демонстрируя тем самым, что из высказывания M следует высказывание C . Но сама по себе эта форма рассуждения, взятая вне контекста рассуждения, записанная в виде имплицативной формулы, не может быть признана логически правильной, поскольку отсутствует необходимая для наличия отношения следования посылка, не говоря уже о порождаемых материальной импликацией парадоксах. То есть, во-первых, материальная импликация явно не соответствует интуитивному пониманию имплицирования и, во-вторых, не может использоваться для выражения отношения следования. Достаточные условия истинности материальной импликации — ложность антецедента или истинность консеквента — не удовлетворяют нашу интуицию имплицирования, требуется корректировка ее семантики.

Для экспликации интуитивного представления отношения имплицирования лучше использовать интуиционистскую импликацию. Что необходимо для «валидной» формы рассуждения? (1) Чтобы было очевидным, что имеется опущенная посылка, и (2) чтобы опущенная посылка была очевидно истинной. В этом случае приемлемое определение энтимематического отношения «если..., то...» (для обозначения которого используем знак \rightarrow^*) имеет вид:

$$A \rightarrow^* B =_{df} (\exists r)[r \& ((r \& A) \rightarrow B)].$$

То есть высказывание, соответствующее энтимематическому рассуждению, является истинным в том и только в том случае, если существует (опущенная) посылка, которая истинна и которая могла бы преобразовать сокращенное умозаключение в формально правильное рассуждение.

Таким образом, в том случае, если от посылки требуется лишь фактическая истинность, мы имеем дело с «интуиционистской» энтимемой. Ее определение совпадает с Гейтинговским определением интуиционистской импликации: «Импликацию $p \rightarrow q$ можно утверждать тогда и только тогда, когда мы располагаем таким построением τ , которое, будучи объединено с любым доказывающим p построением (в предположении, что последнее выполнено), автоматически давало бы доказывающее q построение. Другими словами, построение p вместе с построением τ образовывали бы доказательство q »⁴. Утверждение, что импликация $p \rightarrow q$ является интуиционистски истинной, означает, что существует истинная посылка r , которая может быть востребована для производства q из p , но которая опущена в антецеденте p . А это означает, что «высказывание “ A интуиционистски ‘имплицировать’ B ” подразумевает, что существует некоторое истинное высказывание r , такое, что конъюнкция r и A влечет B »⁵.

Если мы в своих рассуждениях не слишком строги и позволяем себе опускать любую истинную посылку, то получается, что мы действуем точно в соответствии с интуиционистской теорией «импликации». Однако если мы более аккуратны в своих рассуждениях, то позволяем себе опускать только необходимо истинные посылки. В этом случае для выражения отношения логического следования в сокращен-

⁴ Гейтинг А. Интуиционизм. М., 1965. С. 123–124.

⁵ Anderson A. R., Belnap N. D. Entymemes. P. 720.

ной форме больше подходит строгая импликация. Энтимема со строгой импликацией имеет место, когда опускается не истинная посылка, с которой может согласиться слушатель, а необходимо истинная посылка, т. е. высказывание, с которым нельзя не согласиться. Как замечают Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон, К. И. Льюис сам полагал, что строгая импликация является энтимематической в том смысле, что необходимо истинная посылка может быть опущена. Для него опускание априорной или логически бесспорной посылки не разрушает валидности дедуктивного рассуждения.

Переходя от интуиционистской энтимемы к строгой энтимеме, Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон, в соответствии со сказанным, дают следующее определение *строгого* энтимематического отношения «если..., то...»:

$$A \prec B =_{df} (\exists r)[Nr \& ((r \& A) \rightarrow B)] \text{ (где } N \text{ означает необходимо истинный).}$$

Это является по существу определением строгой импликации из S4 Льюиса, т. е. «высказывание “ A строго ‘имплицирует’ B ” подразумевает, что существует некоторое необходимо истинное высказывание r , такое, что конъюнкция r и A влечет B »⁶.

Однако, по мнению Н. Д. Белнапа и А. Р. Андерсона, допустимость отбрасывания посылок, даже если они являются необходимо истинными, доказывает невозможность использования строгой импликации для корректного выражения интуитивного понимания отношения выводимости, поскольку отсутствие посылки делает неправильной форму рассуждения, разрушает отношение логического следования. «Необходимо истинные суждения, будучи посылками, столь же необходимы в качестве посылок, как и не необходимо истинные»⁷.

Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон утверждают, что предложенная ими формальная система релевантной логики E корректно выражает интуитивное понимание отношения следования или логической выводимости. Система E , которую они предлагают, соответствует системе Льюиса S4, однако в ней отсутствуют такие парадоксальные утверждения, как $(A \& \bar{A}) \rightarrow B$, $A \rightarrow (B \vee \bar{B})$ и $NA \rightarrow (B \rightarrow A)$, где NA означает, что A является необходимо истинным, а стрелка является символом для обозначения следования, которые не доказуемы в E . В системе выполняется принцип релевантности и условие, согласно которому только выводы влекут выводы или, другими словами, утверждение, что из B логически следует C , не может само следовать из фактологического суждения. Иными словами, если формула $A \rightarrow (B \rightarrow C)$ доказуема в E , то формула A содержит стрелку, т. е. сама является выводом. Необходимо истинные посылки не могут быть в ней отброшены, и энтимема, которая представляла бы собой неправильную форму рассуждения, невозможна. В противном случае это подорвало бы идею релевантной импликации, в частности, эквивалентность $A \doteq B \leftrightarrow \doteq (A \rightarrow B)$. Понятно, что в этом случае мы можем иметь дело лишь с полными энтимематическими рассуждениями.

Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон приходят к выводу, что это лишь на первый взгляд кажется, что энтимемы не могут быть предметом строгого логического анализа, так как предполагают выход за пределы логики. Тем не менее можно дать интерпрета-

⁶ Ibid. P. 721.

⁷ Ibid. P. 717.

цию понятию энтимемы и в рамках строгого логического знания, которая будет, конечно, зависеть от типа логической системы. Причем ясно, что приведенная классификация дает разную экспликацию исходной интуиции, различая материальную, интуиционистскую, строгую и релевантную импликации. Корректность выражения интуитивного понимания выводимости при переходе от материальной импликации к интуиционистской, от нее — к строгой, а от строгой — к релевантной возрастает. Это связывается с ограничениями, накладываемыми на возможность отбрасывания истинных конъюнктов из антецедента импликации. Соответственно возрастает и корректность, строгость энтимематического рассуждения. В предельном случае мы получаем полную форму рассуждения, в которой зафиксированы все необходимые посылки, т. е. переходим от сокращенной энтимемы к энтимеме, выраженной в виде полного умозаключения очевидно валидной формы⁸.

2

Как полагают некоторые исследователи, семантическое понятие логического следования, бывшее реализацией интуитивных представлений о следовании, которое находилось в центре логики, предполагающей возможность интерпретации, воспринимаемой как наука о правильных формах рассуждения, в современной логике отступает на второй план. На первый план выступает дедуктивное, теоретико-доказательное понимание следования. И если здесь можно говорить о связи логики с интуицией исследователя, то речь должна идти уже об интуиции математика, предметом интереса которого становятся логические системы, представляющие модели все более высокого уровня абстракции. Вопрос об интерпретации строящихся систем становится вопросом малоинтересным и уходит на периферию исследовательского интереса логика-математика.

Когда-то выдающийся европейский философ, логик, математик Бернард Больцано так ответил на вопрос, в чем польза логики: «Логика содействует правильности мышления, как грамматика правильности словоупотребления. Она помогает находить ошибки в мышлении и избегать ложных выводов...»⁹. Понятно, это было сказано 180 лет назад. Спустя 120 лет выдающийся польский логик Ян Лукасевич заявил: «Неверно, что логика — наука о законах мышления»¹⁰. Законы логики, по его мнению, имеют к мышлению ничуть не большее отношение, чем законы математики. Думать

⁸ Я здесь исхожу из аристотелевского толкования энтимемы, а именно, что энтимема, или «риторический силлогизм» (Аристотель), представляет собой умозаключение, которое служит средством обоснования моей точки зрения для слушателя и, следовательно, может содержать только такие посылки, которые содержатся *в уме* этого слушателя. Последний факт и превращает его в энтимему, а вовсе не то, что у него опущена посылка. Некоторое умозаключение не потому является энтимемой, что у него опущена одна из посылок, а у него может быть опущена одна из посылок, поскольку оно является энтимемой. То есть энтимема может быть и полным силлогизмом. Правда, в рассматриваемой классификации энтимем Белнап и Андерсон отождествляют энтимему с сокращенным умозаключением.

⁹ Больцано Б. Учение о науке. СПб., 2003. С. 55.

¹⁰ Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959. С. 48.

иначе означает впасть в психологизм, что разрушительно для науки логики. Логика изучает язык, выражаемые в нем формальные нормы рассуждения.

Начиная с программы обоснования математики, предложенной Гильбертом, понятия логической системы и доказательства становятся строго формализованными объектами. А понимаемая таким образом логика изучает уже «не рассуждения, не их отдельные классы, не те или иные аргументы, а доказательства как формальные объекты»¹¹, и предстает уже как строго формализованная логическая система или исчисление. И здесь речь идет не о валидности и корректности того или иного аргумента, того или иного способа рассуждения, а о корректности всей логической системы. Дальнейшее развитие теоретической логики от логических систем к классам логик и далее к категорному подходу и анализу логических систем делает вопрос о том, что такое правильное рассуждение, совершенно неуместным в рамках этого логического знания. Понятие рассуждения отсутствует в горизонте этого знания.

Конечно, занятия логикой, как и занятия любой строгой наукой, способствуют формированию ответственного рассуждения и опыта корректных способов аргументации. Однако логика как учебная дисциплина, не будучи наукой о рассуждении, не может рассматриваться как непосредственно обучающая строгому, корректному рассуждению. Но если формы рассуждения не являются предметом логики, как же называется наука, изучающая их и обучающая им...

Итак, получается, что либо (а) этот вопрос «о правильных формах рассуждения» надо задавать не логике, и (б) попытки некоторых логиков искать ответы на этот вопрос свидетельствуют о том, что они задержались в своем научном развитии где-то в начале прошлого века; либо (в) современное тело логического знания не сводимо к указанному выше направлению его развития, а одной из составных частей *современной* логики как системы научного знания является исследование рациональных форм рассуждения, валидных форм аргументов, выступающих рациональным основанием реального, аргументативного дискурса. И последнее мне представляется верным. Это направление развития логического знания включает довольно богатый набор подходов и концепций, дающих и обещающих оригинальные, новые интерпретации того, что такое рационально правильное рассуждение. Это направление дает новое и востребованное знание, что является, на мой взгляд, основным критерием его современности. Понятно, что в ряде случаев такой поиск осуществляется в приграничных областях логики, например, на границе логики и философии языка, логики и лингвистики, но не только.

3

Анализ различных видов отношений имплицирования, присутствующих в языке, не сводится к рассмотренному разнообразию логической интерпретации отношения «если... то...». Отношение имплицирования может принимать и такую форму, которая эксплицируется в понятии имплицатуры или понятии пресуппозиции, его можно обнаружить и в столь далеких от логики областях прагматики, как риторика, в риторических фигурах, и вопрос, который представляет для нас особый интерес, состоит

¹¹ Карпенко А. С. Предмет логики в свете основных тенденций ее развития // Логические исследования. Вып. 11. М., 2004. С. 153.

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

в следующем: содержится ли в риторических фигурах отношение следования? Ответ не очевиден. Во-первых, можно выделить риторические фигуры, которые, строго говоря, имеют пограничный характер. К их числу прежде всего надо отнести энтимему. Энтимема по праву включается в список риторических фигур.

Нетривиальные идеи об особенностях риторического обоснования высказывает Николас Решер¹². Он говорит, что риторика не сводима к искусству убедительного изложения. В то время как аргументатор должен, опираясь на отношение следования, выводить свой тезис из других суждений, ритор не ограничен в средствах обоснования приемлемости суждения логическими основаниями. Риторика, по его мнению, это способ убеждения, не предполагающий использования отношения следования. Из такого толкования риторики следует, что мы можем делать какие-либо утверждения, не имея на то каких-либо логических оснований. Рациональный взгляд на эту ситуацию предполагает, что такие основания всегда должны быть, в качестве таковых выступают другие суждения, из которых следует утверждаемое. То есть нельзя вывести что-то из ничего. Но тогда получается дурная бесконечность, преодолеть которую можно, казалось бы, только если брать в качестве основания посылки, принимаемые нами в силу их фактологичности (очевидности) или конвенциональности. Риторика является средством обоснования исходных посылок, но иного рода. Ритор не ссылается на ранее принятые соглашения, предметы веры или факты. Он, используя средства риторики, сам формирует у слушателя эти исходные мнения и приемлемые положения как его собственные. Таким образом, по мнению Н. Решера, риторика прерывает дурную бесконечность предпосылочного доказательства, поскольку берет на себя ответственность за исходные суждения, истинность которых обосновывается не ссылкой на другие утверждения, а риторическими средствами, благодаря тому, что риторика обладает силой непосредственного сказывания истины, которая узнается нашим разумом как безусловно приемлемое утверждение. В этом смысле риторические средства языка позволяют убеждать без ссылок на отношение следования.

Но ведь энтимема как раз и является средством введения беспредпосылочных положений, т. е. тех, в обосновании которых не нуждается слушатель и которые относятся к общепринятому мнению, к тому, что в рамках этой речи не нуждается в обосновании. Для Аристотеля было очевидно, что в диалектической беседе, в речи, обращенной к публике, следует начинать с общепринятых мнений (*endoxa*) вместо того, чтобы увлекаться поиском более твердых оснований. И прежде всего потому, что они могут оказаться чуждыми для собеседника или слушателя. Хайдеггер замечает, что положение, которое следует из энтимемы, имеет тот же самый характер, как и те положения, из которых оно проистекает: и то и другое — *ἔνδοξον*¹³, т. е. находится в области мнения. Однако еще Аристотель ставил под сомнение непреложность этого утверждения, показывая, что использование научающих энтимем может ввести собеседника из *ἔνδοξον* в область научного, т. е. необходимо истинного знания (Аристотель. Риторика. I, 2).

¹² См.: Rescher N. The Role of Rhetoric in Rational Argumentation // Argumentation. 1998. Vol. 12.

¹³ Heidegger M. Basic concepts of Aristotelian philosophy. Indiana, 2009. P. 89.

Существуют и другие виды риторических фигур, в которых отношение имплицирования присутствует явным образом. Надо признать, что в античной риторике не было четкого разделения между приемами аргументации и риторическими фигурами. Например, антитеза как риторическая фигура, средство стилистического украшения речи, не разделялась ясным образом с противоположением как приемом аргументации от противного. При толковании одних и тех же риторических фигур выделялись разные их аспекты. Так, противоположение толковалось то как стилистический прием, фигура слова, то как фигура, формирующая новый смысл, фигура мысли, то как аргументативный прием¹⁴. Действительно, один и тот же речевой оборот может быть и фигурой речи, и приемом аргументации. Ведь аргументация, поскольку она представлена в языке, становится речевым феноменом с определенной стилистической характеристикой. Некоторый речевой оборот может выполнять аргументативную функцию в силу своего определенного положения в структуре дискурсивного действия и в то же время обладать стилистической определенностью, быть элементом прекрасной речи, что придает речи дополнительную убедительность. Однако суть риторики не в том, что она является искусством убедительного красноречия. Ее суть в том, что она является средством рождения мысли¹⁵. В основе механизма рождения мысли лежит единство двух функций риторики: референциальной и коммуникативной. Акт сказывания всегда является сказыванием чего-то о чем-то и сказыванием чего-то кому-то. Референциальная и коммуникативная функции языка не существуют друг без друга, вместе они обеспечивают реализацию *эпистемической* функции языка, это два аспекта одной способности: сказывать что-то, т. е. познавать мир. Рождение мысли и сказывание мысли — один и тот же акт. Но сказывание для себя и сказывание для другого — это два аспекта сказывания, т. е. постижения смысла. Так же как, обосновывая некоторое положение для другого, я должен исходить не просто из своих знаний предметной области, а из своих знаний его знаний предметной области: чтобы сказать что-то другому, я должен сказать это, опираясь на имеющиеся у него знания. Это означает, что я могу сказать другому только то, что он уже готов понять, т. е. услышать. Я не могу сказать ему то, что он сам не мог бы уже сказать. Эта межсубъектная область, в которой формируется понимание, формирует и критерии рациональности, включая риторические. Высказывание некоторой мысли о реальности требует риторической изощренности. Чтобы содержательная *чтойность* нашей речи случилась для нас и для нашего собеседника, мы должны, во-первых, владеть знанием того, *как* это сказать, и, во-вторых, *как это сказать для него*.

Природа риторических фигур диалогична. Риторические фигуры, как и аргументативные формы, представляют собой определенную схему дискурсивного действия, но схему, в которой слова говорящего являются лишь ее частью. *И этот порядок речи, эта аранжировка рациональны, поскольку являются условием рождения определен-*

¹⁴ См.: Kraus M. From Figure to Argument: Contrarium in Roman Rhetoric // Argumentation. 2007. N 21. P. 3–19.

¹⁵ Подробнее см.: Мигунов А. И. О риторическом контексте проблемы истины // Логико-философские штудии. СПб., 2001; Мигунов А. И. Соотношение риторических и аргументативных аспектов дискурса // РАЦИО.ru. 2010. № 4. С. 3–28.

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

ной мысли, но эта рациональность не сводима к логическому порядку. Риторическую фигуру формируют обе стороны диалога. Возьмем для примера такую риторическую фигуру, как ирония. Ирония демонстрирует подобное свойство особенно наглядно, когда контекст использования слова оказывается несовместимым с его буквальным стандартным значением и отменяет его, наделяя такое слово смыслом, противоположным его буквальному значению. Ирония — способ косвенного указания на смысл, действие от противоположного. Это своего рода косвенное доказательство или метод рассуждения через сведение к абсурду. Но это рассуждение может случиться как ирония, если только на него способен слушатель. Формирование фигур, а следовательно, формирование определенного смысла, определенной пропозиции, является как продуктом субъекта речи, так и продуктом субъекта вслушивания. Если субъект вслушивания окажется не способен на иронию или использует в своем вслушивании другую риторическую фигуру, то имплицитруемая в его разуме пропозиция будет иной. Имплицитирование не состоится. Исследуя риторические фигуры, мы понимаем, что здесь также присутствует отношение имплицитирования, но оно не сводимо к валидным аргументативным формам и к тому же имеет диалогический характер.

Риторика, исследуя фигуры речи, обнаруживает необходимую связь формы речи с высказыванием истины. В риторических исследованиях центральной является проблема выражения истины в слове, вопрос о том, как форма речи определяет обнаружение истины. И речь здесь не об истинности высказываний, критериями которой являются факт и логическая форма, и не об истине, лежащей за пределами человеческой мысли и слова, а об истине, которая за пределами слова невозможна, которая только в слове есть, которая определяет осмысленность речи и предмета речи. Риторика формирует для субъектов речи (т. е. для слушателя и говорящего) семантически полноценные единицы речи, в которых осуществляется эвристический синтез воспроизводимого в языке интеллектуального опыта. В этих семантических единицах речи наш разум узнает и принимает обнаруживаемую речевыми средствами истину бытия как элемент своей собственной картины мира.

С помощью риторической фигуры говорящий не обосновывает мысль, а сообщает ее. Но сообщить мысль можно только в том случае, если для рождения этой мысли в разуме слушающего есть основания. И говорящий должен об этих основаниях позаботиться, на них ориентироваться. Точно так же, как он должен ориентироваться на основания, имеющиеся у слушателя, при выборе энтимемы. Ведь я только тогда могу сказать, что акт общения состоялся, когда усвоение субъективного значения обеспечено. У слушающего должны быть достаточные основания как для рождения этой мысли в его разуме, так и для принятия этой мысли. Если в языке, в разуме слушателя нет оснований для рождения некоторой мысли, высказать ее не удастся. Для того, чтобы акт сказывания состоялся, необходимо, чтобы собеседники были друг для друга, безусловно, разумными, т. е. аргументативно и риторически компетентными субъектами общения. Риторически правильной является речь, которая способствует сохранению смысла сказанного для слушателя, опираясь на соответствующие основания для формирования этого смысла в разуме слушателя.

В. А. Шалак совершенно справедливо считает, что все многообразие видов следования имеет в своей основе общую протоформу. В самом общем виде отношение следования в языке можно определить следующим образом: «Из посылок $\Sigma = \{B_1, \dots, B_n\}$ следует выражение A , если и только если существует правило R , которое позволяет на основании значения посылок Σ определить значение выражения A »¹⁶. Если не ограничиваться чисто синтаксической интерпретацией посылок и выражения, следующего из них, то правило R может получить и риторическую интерпретацию. А сама форма следования становится формой речи, в которой соединяются риторические и аргументативные основания ее рациональности.

Интуиции, которые стоят за выражением «согласие с одним утверждением влечет согласие с другим утверждением с необходимостью» не исчерпываются синтаксическими формами. А поспешность в построении соответствующих формальных языков не всегда гарантирует строгость и корректность, с одной стороны, и ясную демонстрацию реального механизма действия — с другой. Это приводит к тому, что логика покидает естественный язык и перестает быть знанием о рассуждении, перестает быть рациональным основанием анализа речи, критерием разумности речи.

В философской логике наряду с попытками строить формальный язык, в котором можно зафиксировать те или иные аспекты отношения следования, важно сделать предметом анализа отношение следования, как оно присутствует в естественном языке, в реальном дискурсе. Экспликация интуитивного понимания отношения следования, т. е. такого отношения между речевыми действиями, которое заставляет разумного человека услышать и согласиться с определенным утверждением лишь на том основании, что он услышал и согласился с другими утверждениями, опирается на рационализацию следования, как оно представлено в дискурсе, в рассуждении, которое строится в естественном языке и соединяет двух собеседников: автора рассуждения и его рационального, т. е. сомневающегося слушателя. При этом анализ отношения следования должен охватывать все присутствующие в языке аспекты необходимого имплицитирования, порождения одних утверждений другими.

Определение протоформы следования, о котором пишет В. А. Шалак, вполне можно распространить и на такую форму имплицитирования, которая присутствует в имплицатуре и в отношении между суждением и его пресуппозицией. Сказать, что некоторое выражение содержит имплицатуру, означает сказать, что это выражение влечет другое, и оно интересует нас не само по себе, а с точки зрения этого отношения порождения между ним и его имплицатом. В определении пресуппозиции зафиксировано отношение между суждениями, которое, казалось бы, должно рассматриваться как отношение имплицитирования и может быть основанием валидной формы рассуждения. Согласно определению пресуппозиции, некоторое высказывание B является семантической пресуппозицией высказывания A , если и при истинности, и при ложности высказывания A высказывание B истинно. То есть, другими словами, здесь утверждается, что если A истинно, то B обязательно истинно. Но в то же время из-

¹⁶ Шалак В. А. Два подхода к построению логики // Логические исследования. Вып. 17. М.; СПб., 2011. С. 276.

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

вестно, что если B ложно, то A не принимает значения лжи. Оно в этом случае становится семантически аномальным. Получается, что *modus ponens* с выраженным здесь смыслом связки «если..., то...» работает, т. е. является валидной формой аргумента, а *modus tollens* — нет. Но если мы просто наложим ограничение на использование подобной связки в аргументативных формах, мы закроем путь к пониманию того отношения имплицирования, которое лежит в основе этой связки. Пресуппозиция, как и импликация, — предмет логической прагматики. Связка «если..., то...» имеет прагматический смысл. Ложность высказывания B превращает высказывание A в странное, провокационное, разрушающее диалог, и заставляет нас сделать вывод об авторе суждения A , суждения, в котором мы не обнаруживаем смысла.

Изложенные выше соображения позволяют сделать вывод о том, что отношение следования, как оно представлено в современной формальной логике, фиксирует лишь один из аспектов той интуиции, которая наполняет еще не зафиксированным смыслом отношение влечения, имплицирования, следования, как оно представлено в естественном языке, в том числе в языке, на котором мы говорим о математике. Я подчеркиваю, речь идет не о языке математики, а о языке, на котором говорят, в том числе и математики, о природе математического знания. Но если это присутствует в языке, значит, рано или поздно будет выражено математикой в строгой, корректной форме, т. е. на своем языке. Но чтобы это произошло, необходимо, чтобы указанные аспекты стали предметом пристального внимания философии и философской логики.